

Лодвикова Ариша

ДОЖДЬ.

16+

Ариша Лодвикова

Дождь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48710347

SelfPub; 2020

Аннотация

Дружба – это лучшее, что есть в твоей жизни, когда ты ребенок. Особенно, когда она сохраняется даже в подростковом возрасте. Но реально ли её сохранить, когда твой друг – это девушка, в которую ты влюбился? То, что было неизменным годами, может поменяться в любой момент. За какие-то пять секунд. Два друга детства попадают под сильный ливень. Что может измениться за один день, помимо погоды?

В моей жизни никогда не было такого дождя. Он был похож на вечность. Лучший дождь, под который я когда-либо попадал.

Это было летом, в доме отдыха. Мы с Олей попали под сильный дождь. Потоки воды размыли все тропинки, ведущие в корпус. Мы бежали через небольшой лес.

Она бежала впереди. Так легко и беззаботно, будто никакие тревоги никогда не посещали ее юную голову.

Она всегда была такая. Воздушная, веселая, свободная. Никто, казалось, не ощущал свободу так, как она. Эта свобода шла изнутри. И Оля умела заражать этим чувством свободы. Я слыл в подростковом возрасте нытиком, вечно грустным парнем. Да, быть "сэдбоем" в свои семнадцать я умел. Но даже такой меланхолик, как я, и то расцветал при виде ее улыбки, при виде ее радостных глаз. Даже сейчас, когда мы были оба мокрые, хоть выжимай как тряпку и вешай на веревку, когда мы оба бежали в корпус, рискуя упасть во время бега, она умудрялась улыбаться и беззаботно летать. Если кто-нибудь из детей спрашивал, умеют ли люди летать, я знал ответ. Только она могла. Не какая-то сказочная фея. А Оля. Моя Оля.

Она всё ещё бежала впереди. Казалось, что она бежит одна, что никто не составляет ей компанию. И будто ей никто и не нужен.

Честно, я всегда чувствовал себя лишним, когда мы проводили время вдвоем. Так с детства. Своими угловатостью и

нелепостью я никак не подходил к легкой и позитивной при любых раскладах Оле. Мы были совершенно разные. Мне порой казалось, что я был готов сжечь целый город со всем его населением ради одной ее улыбки.

Уже в пятнадцать я понял, что моя тяга к ней болезненная. Она ненормальная, тяга сделала меня рабом того положения, в котором я находился. Я стал более замкнутым, ведь я ни с кем не мог это обсудить. Единственным моим другом была Оля.

А дождь все шел. И мы все бежали. Казалось, что мы действительно будем бежать вечность. И хорошо. Главное, что с Олей.

Мы с Олей были друзьями с детства. Она мне доверяла все. Ей это давалось легко. Мне бы ее доверие к людям. Ее жизнь не заканчивалась на одном мне. У нее было много друзей помимо меня, много знакомых и любимых локаций помимо нашего двора. А у меня же были только она и наш двор.

Ее доверие выражалось в откровении. Она рассказывала мне все: какие мальчики ей нравятся, кто ухаживал за ней, кто был в нее влюблен, кого она отвергала. Она делала это так просто, рассказывала с такой легкостью, будто ей был абсолютно все равно на всех этих людей, на все происходящее. Даже на свои симпатии к кому-либо. Только у нее так удавалось.

Говорила она мне и про свои страхи. Хотя она мало чего боялась. Помню, как мы в детстве попали под дождь, не та-

кой сильный, как этот, под который мы попали сейчас, хотя тогда он казался солидным. Мы тогда отдыхали в этом же доме отдыха, с семьями. И тоже находились на улице, далеко от корпуса. Она была очень хрупкой девочкой и сильно боялась грома. Мы спрятались под навесом песочницы. В ее глазах были слезы (это был единственный раз, когда она плакала при мне), ей было очень страшно. Тогда она обняла меня, вцепившись как кошка своими маленькими ручонками в мою толстовку. Будь я тогда семнадцатилетним собой, я бы смутился. Но тогда, именно в тот момент, я, играя в старшего брата, заботливо обнял ее и улыбнулся так, как обычно улыбаются взрослые, смотря на своих детей. С родительской любовью во взгляде.

Дождь продолжал лить. Она бежала впереди. Иногда Оля поворачивалась ко мне, тем самым доказывая, что не забыла про плетущегося за ней меня.

Она все была на своей волне. Одарила меня своей улыбкой. Господи, как же это прекрасно. Чтобы показать ей, что всё, как она любит говорить, "оке", я делаю попытку улыбнуться. А ведь это сложно. Я только в обществе Оли могу улыбаться. Меня больше ничто не радует в этой жизни. Все в порядке. Я сам выбрал себе такой путь.

Добившись ответной улыбки, Оля отворачивается и исчезает в потоке воды. Дождь становится настолько сильным, что уже сложно что-то различить. Капли уже непрозрачные,

вместе они создают что-то белое. Я начинаю паниковать. Боюсь потерять Олю из виду. Пытаюсь разглядеть ее, чтобы не отставать.

Я всегда следующий. Хотя сама Оля считает, что в нашей небольшой компании из двух человек именно я ведущий. Я удивляюсь этой живой девчонке. Какой, вот какой из меня ведущий? Меня другие вообще "немым" прозвали. Да и торможу я всегда. Когда я это ей говорил, она обижалась. Ей не нравится, когда я "зря принижая себя". Приходилось делать вид, будто я все-таки соглашался с ней. Тогда она расцветала прямо на глазах и продолжала гнуть свою позитивную волну жизни. Не знаю, верила ли мне она в тот момент, но это все же поднимало ей настроение.

Дождь лил стеной. Хотя какой стеной. Он лил горкой, то есть по диагонали. Вообще непонятно, почему косо́й дождь никто не сравнивает с горкой. Ну или хотя бы с пулями, с обстрелом.

Она бежала впереди. Летела. Оля. Моя Оля. Как жаль, что ты никогда не узнаешь то, что я думаю о тебе на самом деле.

Однажды одноклассник отобрал на перемене мою тетрадь. Мне тогда было шестнадцать, я мучился от чувств к Оле, и решил написать все, что думаю, на бумаге. Думал, так будет легче. Какой же бабой я был.

Одноклассник ничего толком не прочел, но он понял, о чем было написано в тетради. Я никогда никому ничего не

рассказывал, однако весь класс знал о девочке Оле, моей подруге детства, по которой я сходил с ума.

Пробежавшись по тексту с усмешкой на лице, одноклассник лишь сказал:

— Чувак, ну тут все плохо. Будешь так продолжать, никогда ее не добьешься. Найди себе девку, чисто для опыта, доступную какую-нибудь. А то как момент настанет, упустишь его.

Мне было гадко от этих слов. Я выхватил тетрадь из его рук и убежал. Мне было обидно за такой отзыв о моих чувствах. Все было выше этого.

А одноклассник все ржал. Он не знает, что ту запись я закончил предложением, написанным кровью.

Дождь. Сплошной дождь. Одежда так сильно намокла, что стала очень тяжелой. Я замедлился.

— Эй, ну ты где?— был еле слышен в дожде смеющийся голос Оли. Дождь приносил ей столько радости

Я не мог отставать. Иначе она опять стала обвинять меня в тормознутости. Хоть и несерьезно. Но все же.

Наконец мы добежали. Остановились у входа, чтобы выжать одежду. Она все улыбалась. Ей было весело. Как можно постоянно быть такой жизнерадостной!?

Когда поднимались в свои номера по лестнице, она раз пять повернулась ко мне с улыбкой.

Номер Олиной семьи оказался заперт. Должно быть, ее родители и сестренка были уже в столовой. Странно, они никогда не уходили без нее. У Оли ключей не было. Мой номер

пустовал, мы пошли ко мне. Надо же было куда-то идти.

Когда мы только зашли в номер и оказались в коридоре, я внезапно прижал Олю к стене и обнял. Я не знаю, что на меня тогда нашло. Мы и раньше обнимались с ней по-дружески. Но на этот раз было совсем не по-дружески.

Опомнившись, я отпрянул. Она ничего не сказала мне, лишь смотрела куда-то в сторону, опустив глаза.

Нужно было как-то справляться с возникшей неловкостью. Я отдал ей свое полотенце, чтобы она посушила волосы. Она молча взяла полотенце.

Потом все стало совсем другим. Наша жизнь поменяла цвет. Хотя тут я совру. Цвет сменился еще тогда, когда мы только зашли в номер.

Наша жизнь...я не просто так говорю, что наша. Моя жизнь не существует без нее. Моя жизнь и ее тоже.

Все решилось за какие-то пять минут. Она только спросила: "Ты действительно этого хочешь?". А я ей даже не ответил. Я вспомнил в тот момент наше детство, зарождение своих чувств к ней, мои страдания, слова одноклассника. И просто приступил к делу.

Это были самые волшебные минуты в моей жизни.

Когда все закончилось, она, полежав минут пятнадцать кровати, без улыбки, думая о чем-то своем, встала, быстро оделась и ушла. Все это время я стоял у открытой двери балкона и смотрел, как прекращается дождь.

Дождь кончился. Оля больше не бежала по лесу, улыбаясь

жизни. Когда она ушла, капли стекали с крыши дома. Остатки дождя. Жалкое послевкусие.

Я стоял у двери балкона и плакал. Плакал беззвучно, молча. Я будто оплакивал все то, что было. Все то, что испытывал все эти три года. Теперь все изменится, подумал я. Мир уже не такой зеленый, каким я его знал еще утром. Он пожелтел. В моем мире настала осень.

Я больше не испытаю того, что испытал. И больше не попаду под такой дождь.

Это конец.